

надлежит к числу наиболее замечательных поэтических книг в истории русского переводческого искусства, особенно в истории переводов иноязычной эпической поэзии».

В предисловии К. В. Чистова уделено внимание и другому важному вопросу — о соотношении народной поэзии и «Калевалы». Уже Бельский знал, что «Калевалу» нельзя отождествлять с народными песнями как таковыми, что Элиас Лённрот сам угодил народным певцам, со слов которых он записывал отдельные песни. Поэтому в предисловии и подчеркивается: «Калевала» — не фольклорная эпопея и не сборник народных песен, эта книга — историко-литературное явление, возникшее на основе рун, это «Калевала» Э. Лённрота. К сожалению, эта истина трудно внедряется не только в сознание рядовых читателей «Калевалы», но и в сознание исследователей фольклора, которые изучают народную поэзию по «Калевале». О тех ляпсусах, которые иногда допускаются при рассуждениях о «Калевале», красноречиво рассказано в рецензии Э. Киуру на издание «Калевалы», осуществленное в Лениздате в 1984 г.³

Петрозаводское издание «Калевалы» — это научно выдержанное издание. К. В. Чистов провел большую и тщательную текстологическую работу по восстановлению прижизненного издания перевода Бельского 1915 г. Из него убраны те редакторские (часто довольно неуместные) поправки, искажения, которые буквально насаивались друг на друга в разные годы издания «Калевалы». В перевод внесены и те исправления и примечания, которые Л. Бельский не успел внести в текст и опубликовал их в примечаниях.

Возвращение переводу Бельского его первородного облика — дань высокого уважения к таланту русского переводчика, и, думается, что русская «Калевала» от этого только выиграла. Свое второе столетие она начала в том виде, в каком ее подготовил автор, совершивший настоящий переводческий подвиг.

А. Мишин

Примечания

¹ Куусинен О. В. Избранные произведения. М., 1966. С. 549.

² Там же. С. 548.

³ Сов. этнография. 1985. № 3.

НАРОДЫ АМЕРИКИ

© 1990 г.

Narody. Jak powstały i jak wybiły się na niepodległość? Warszawa, 1989. 522 str.

Этот коллективный труд посвящён 60-летию со дня рождения и 40-летию научной деятельности одного из крупнейших польских учёных Тадеуша Лепковского. Весь коллектив авторов составлен из учеников и коллег профессора Т. Лепковского, с которым в течение долгих лет их связывала научная судьба.

Т. Лепковский получил гуманитарное образование во Франции, с 1953 года работал в Институте Истории АН ПНР, был редактором таких изданий, как «Квартальник Историчны», «Акта Полониа Историка», «Эстудиос латиноамериканос». В разные годы он был президентом Польского общества друзей иберийской культуры, Европейского союза историков-латиноамериканистов, а с 1982 г. Т. Лепковский — вице-президент Польского исторического общества. Он был удостоен премии им. С. Альенде и награды им. Ф. Знанецкого за авторство книги «История польской эмиграции в Латинской Америке». В круг научных интересов Т. Лепковского входят проблемы, связанные с культурно-историческим взаимодействием народов, особенностями их расселения и формирования национального самосознания. Именно этим вопросам, актуально звучащим сегодня, и посвящены представленные в книге статьи. Основные проблемы, поднимаемые в ней, таковы: происхождение различных народов и специфика их этногенеза, особенности национального быта и самосознания, пути обретения народами собственной государственности, роль традиций в процессе этногенеза.

Сопоставление этнических процессов в Латинской Америке, с одной стороны, и в Центральной Европе, с другой, стало предметом анализа венгерского учёного Адама Андерле в статье «Классы, этнические группы и народ в Латинской Америке». С его точки зрения, эти процессы имеют много общих черт, обусловленных прежде всего тем, что оба региона в XIX веке оказались на периферии развития капиталистической системы. Отсюда, по логике А. Андерле, повысилось значение государства, которое «стало рассматриваться как важнейший институт, определяющий собой лицо всего народа, а последний отождествляется с государством» (с. 32). Особенность Латинской Америки состоит в том, что помимо национального самосознания её народы обладают ещё и сознанием

континентальным. В Центральной и Восточной Европе подобного коллективного мышления в рамках всего континента, как считает автор, сформировано не было. Массовое (обыденное) сознание латиноамериканцев, пишет А. Андерле, «детерминировано этническими координатами... Европейские (по происхождению — А. М.) понятия «класс» и «народ» приобретают этническо-расовый колорит, затмевающий классовые отношения» (с. 33). В Латинской Америке сформировалась, таким образом, как бы «двойная система координат», сочетающая в себе национальные и классовые элементы. При этом латиноамериканские представления о нации всегда находились под преобладающим влиянием этнических факторов.

Особое внимание уделяет А. Андерле концепции нации, выраженной Т. Амару и С. Боливаром: с их точки зрения, это понятие является высшим, по отношению к классу и этносу, уровнем интеграции всех живущих на данной территории людей. Во второй половине XIX века среди значительной части правящей элиты произошёл отход от этой «метисской» («широкой») концепции нации к «бело-креольской», идеологами которой стали крупные латифундисты и торговая олигархия. Преодоление «бело-креольской» концепции, видившей в качестве носителей национального самосознания лишь креольскую аристократию, связано с возвращением к «метисской» концепции, представляющей нацию как синтез всех этнических групп и образований.

В центр статьи польского учёного Рышарда Стемпловского «К национально-государственной общности. Мисьюнес и интеграционные процессы в Аргентине в XIX—XX веках» также поставлено этносоциальное «измерение» проблемы «государство и народ», которую он рассматривает на примере аргентинской провинции Мисьюнес, где изначально проживали представители более 40 этнических образований. Автор анализирует механизм интеграции «нелатинских этнических групп» в единую аргентинскую нацию и выделяет два компонента, оказавшие преобладающее воздействие на этноинтеграционные процессы в XIX—XX веках: это славянская и немецкая эмиграции. В 1903 году польские и украинские семьи составляли 50,7% всех эмигрантов в Мисьюнес и 79,7% европейских переселенцев. Важнейшим фактором национальной интеграции в эмигрантской среде Р. Стемпловски называет костёл: католический священник (ксёндз) в Мисьюнес вплоть до начала XX века «был среди приезжих единственным интеллигентом и пользовался непрерываемым авторитетом» (с. 181). Что касается немцев, то большая их часть прибыла в Аргентину уже после I мировой войны. Если центром славянской эмиграции был костёл, то центром немецкой стали организации НСДАП. Нацистская идеология, основанная на немецкой исключительности, «тормозила национально-интеграционные процессы в Аргентине» (с. 181), отмечает автор.

По мнению Р. Стемпловского, лишь к 50-м годам XX века «у подавляющей части аргентинского общества сформировалось историческое самосознание, характеризующееся установившимися культурными ценностями (испанский язык и преобладание католицизма — важнейшие из них), и коллективной психологией, а также осознанием своей специфики по отношению к Латинской Америке, в которой Аргентина, по мнению её граждан, занимает особое место» (с. 186—187).

Интересная попытка сопоставительного анализа представлений о современном перуанском обществе с точки зрения креолов и индейцев предпринята в работе Марчина Мруза и Малгожаты Налевайко «Креольское и индейское видение Перу. О двух перуанских действительностях». На этнографическом материале они доказывают тезис о том, что андские индейцы «имеют собственное восприятие мира белых людей, основанное на принципах и ценностях своей культуры» (с. 109). В традиционном индейском мировосприятии «метисы, которые не имеют земли и не разделяют системы ценностей индейцев, не принадлежат к организованному обществу, они как бы ниоткуда» (с. 110). Присутствие всех «чужих» в «андской эйкумене» выглядит в этом смысле бесполезным и даже вредным для индейцев. «Для креола, — пишут польские этнографы, — реальностью является мир, состоящий из народов европейского типа, а также технический, экономический и общественный прогресс, создающий основу для сотрудничества, в рамках которого можно достигнуть уровня передовых обществ». Однако, «то, что есть культура для креолов, не является таковой для индейцев; то, что индейцы считают экономически рациональным, не является таковым для креолов; то, что для одних составляет смысл жизни, для других — не более чем чудной обычай» (с. 111). Вообще же, заключают М. Мруз и М. Налевайко, креолы в гораздо большей степени нуждаются в индейцах, в то время как последние не чувствуют необходимости в сосуществовании с белыми людьми. С нашей точки зрения, этот вывод носит скорее гипотетический характер и не может восприниматься буквально в конкретных ситуациях ежедневных контактов между представителями различных этнических групп.

Проблемы коренного населения Южной Америки стали предметом изысканий Малгожаты Грабовской в статье «Восстание 1814—1815 гг. — индейское восстание, или лишь с участием индейцев?», давшей сравнительный анализ участия индейцев в движениях Тупак-Амару-2 и братьев Ангуло.

Швейцарский исследователь Р. Романо рассмотрел в работе «Несколько замечаний на тему торговли в испанской Америке в колониальную эпоху» влияние колониальной торговли на автохтонное население.

Вопросы, связанные со сложностями и противоречиями интеграции африканских негров в североамериканскую нацию, анализируются в статье Мариана М. Дроздовского «Концепция демократической независимости Т. Джефферсона».

Интересный этнографический материал содержится в работе Тадеуша Милковского «Были ли мексиканские индейцы „ацтекскими христианами“ или „испанизированными христианами“? Францисканцы и проблема испанизации индейцев», в которой он анализирует систему мер, принятых в XVI веке орденом францисканцев для обеспечения контроля над индейскими община-

ми Мексики с целью создания «христианского ацтекского общества». Прагматические меры предусматривали изоляцию аборигенов от испанцев, проведение евангелизации на местных языках, создание школ для детей местной знати, воспитание духовенства из местной среды. «Монахи хотели сохранить прежнюю структуру власти с касиками и индейской верхушкой, которые находились бы под их надзором» (с. 82). Все индейские права и обычаи должны были сохраняться, если они прямо не противоречили христианской религии. Однако в конце XVI века планы «христианского ацтекского общества» были свёрнуты, причиной чему Т. Миловски называет резкий рост численности испанцев и метисов в Новой Испании и катастрофическое снижение индейского населения вследствие эпидемии. В результате острой нехватки рабочих рук насильно была введена система «репар-тимьенто», которая привела к выходу из-под контроля касиков их подчинённых-соплеменников, а затем и к сведению самой местной знати на положение простых испанских подданных.

Другой польский учёный, Анджей Дембич, рассматривает в широком этнокультурном плане роль плантаций на Кубе в XIX веке. Автор в статье «Плантация и процессы образования нации на Кубе: проблематика XIX века» проводит мысль о том, что плантация была основой «особого субкультурного круга», и отвергает господствующий в историографии подход к плантационному хозяйству исключительно с точки зрения его негативного влияния на развитие этносов. По мнению А. Дембича, можно говорить о двух этапах эволюции плантации как общественно-экономического института на Кубе. 1 этап (1762—1820 гг.) связан с «аккумуляцией трудового потенциала» и является подготовительной фазой для дальнейшей общественной динамики. 2 этап (1820—1870 гг.) характеризуется формированием мировоззрения и системы ценностей негров-невольников в условиях начала иммиграции на остров свободной рабочей силы. Эти факторы «привели к образованию широкой общественной базы для появления на Кубе национально осознанных лозунгов независимости» (с. 51).

Материалы, представленные в рецензируемом труде, дают картину этнических процессов, происходящих в разных регионах планеты, в их многоликости, пестроте, динамике и противоречиях. Многие авторы поддерживают позицию профессора Т. Лепковского, призывая отказаться от «слишком узкой трактовки категорий нации или народа, приводящей к абсолютизации дефиниций» (с. 188). Для построения объективной и полнокровной картины этнических и этносоциальных процессов неизбежно расширение круга категорий, в которых анализируются механизмы этногенеза. Очевидно, что эти механизмы и процессы должны изучаться комплексно, как этнографами, так и историками, социологами, лингвистами.

А. С. Макарычев